

УДК 82-7:82.312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Н.Н. Кознова

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР В МЕМУАРНОМ КОНТЕКСТЕ

Исследуются примеры включения в мемуарный текст эпистолярного наследия мемуаристов и их современников. Анализу подвергаются литературные воспоминания писателей-эмигрантов первой волны (М. Осоргина, А. Седых, З. Шаховской, М. Цветаевой). Автор приходит к выводу о значимости введения писем в мемуары для усиления документальности повествования, точности воспроизведения лиц и событий, непринужденного, искреннего выражения чувств персонажей, сохранения неповторимого стиля общения представителей прошлых эпох.

Ключевые слова: жанр, мемуары, письма, писатели-эмигранты, формы повествования, жанровый синтез.

Кознова Наталья Николаевна — канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы XX века Старооскольского филиала Белгородского государственного университета

Тел.: (4725) 42-94-83; 8-960-638-05-29
E-mail: NKoznova@mail.ru

© Кознова Н.Н., 2011 г.

Мемуарная проза профессиональных писателей представлена большим разнообразием жанров: от очерков, заметок, эссе, дневниковых записей до крупных мемуарно-биографических произведений (повестей, романов, хроник). В последнее время ученые (Е.Л. Кириллова, Т.М. Колядич) склонны видеть в литературном мемуарном наследии присутствие признаков метажанра, гипертекста [Колядич; Кириллова]. При этом мемуаристика не теряет собственные устойчивые жанрообразующие признаки, такие как «память» и «субъективность», поэтому тяготение мемуаристов к жанрам, несущим ответственность за точность, подлинность сохраненной информации, где бы авторская точка зрения являлась преобладающей, вполне закономерно.

Вторым после дневникового по частотности сближения с мемуарным жанром можно назвать жанр эпистолярный. Письма, выдержки из них, ссылки на факты, приводимые в письмах, мемуаристы не только используют в процессе подготовки мемуаров, оживляя и восстанавливая свои воспоминания, но и нередко включают в текст произведения, тем самым усиливая его документальное начало и значительно расширяя диапазон читательского представления об ушедшем времени. Именно в письмах, благодаря свободе выбора повествовательных форм, запечатлено искреннее, непринужденное выражение авторских впечатлений от действительности. В эпистолярных посланиях, дословно цитируемых

в мемуарных текстах, бережно сохранены грамматические и синтаксические особенности авторского письма, неповторимые интонации речи ушедших из жизни людей.

Письма, созданные в переломные исторические эпохи, повествуют об общезначимом и обладают ценностью документа своего времени, даже если их авторы касаются простых бытовых вопросов или проблем частной жизни. Не случайно М. Осоргин, избравший формой своей мемуарно-публицистической книги «Письма о незначительном» (1940 – 1942 гг.) эпистолярный жанр, сосредоточил внимание на повседневной жизни обычных людей в дни тяжелых военных испытаний. За будничной повседневностью писателю открылись факты общечеловеческой значимости. М. Осоргин пришел к выводу: «...*Судьбы мира решаются не спорами гигантов мысли и действия, а трудовыми усилиями средних и малых единиц.* <... > *Без малого не на чем вырасти великому...*» [Осоргин, с. 237].

Однако письма, в том числе и писательские, не всегда признаются исследователями как самостоятельный, оригинальный литературный жанр. По мнению ученых (Н. Л. Степанова, С. С. Аверинцева), письмам, как и дневникам, присущ жанровый синтез. С. Аверинцев, например, утверждает: «Под знак» письма «может быть поставлен текст, характеризующийся содержательными и формальными приметами любого литературного жанра» [Аверинцев, с. 199]. Подобное заявление пытается опровергнуть С. Ташлыков, доказывая, что «жанр письма характеризуется индивидуальными приметами, как содержательными, так и формальными» [Ташлыков, с. 21]. К формальным компонентам исследователь относит датировку текста, его внутреннюю замкнутость, завершенность, обязательное обращение адресанта к адресату в начале и конце письма; к содержательным — информативность, коммуникативность, отбор материала в соотнесенности с личностью адресата. В результате выявленных постоянных признаков эпистолярный жанр характеризуется как самостоятельное жанровое образование. Поскольку далее мы будем рассматривать письма в рамках мемуарной прозы, т. е. такие эпистолярные тексты, которым в результате авторской обработки придан литературно-мемуарный характер, мы будем говорить о письмах как самостоятельном эпистолярном жанре.

Жанр письма генетически близок мемуарам, представляющим собой не только ретроспективный взгляд в прошлое, но и обращение к грядущим поколениям. Мемуарное повествование — своеобразный письменный диалог во времени, предполагающий наличие двух участников: адресанта и адресата. Однако если автор и получатель письма находятся в одном временном пространстве и открыто проявляют себя в эпистолярном тексте, то в мемуарах материализована лишь фигура автора-повествователя, а «адресат-собеседник» может оказаться предполагаемым, «фиктивным», но его обязательное присутствие не вызывает сомнения. Мемуары, как и письма, в отличие от дневника почти никогда не создаются для единоличного пользования автора, они от-

крыты для современников и грядущих поколений, открыты в будущем.

Учитывая первостепенную роль писем в коммуникативном культурном пространстве XIX – начала XX вв., можно представить их обширную тематику: официально-деловые письма, дружеские и любовные послания, письма путешественников, письма-эссе философского характера, письма литературные (рецензии, отзывы, презентации) и т.п. Любой из представленных видов мог быть включен в текст литературных воспоминаний, но все же писатели-мемуаристы отдавали предпочтение письмам личного, интимного характера, часто не предназначенным для публикации, но существенно дополняющим психологический портрет мемуарных персонажей.

В данном исследовании нас будет интересовать не столько многообразие видов писем, сколько причины и следствия их появления в мемуарном контексте, а также возможность влияния эпистолярного жанра на выбор автором-мемуаристом повествовательных форм. Так, введенная в мемуарный текст цитата из письма может оказаться веским аргументом в пользу правильности авторских выводов и суждений, возбудить полемику с автором послания, стать завязкой нового повествовательного сюжета, дать толчок к раскрытию сущности характера персонажа и т.п. Таким образом, наряду с основными функциями эпистолярного жанра: информативной и коммуникативной, — письма в мемуарном контексте несут дополнительную идейно-смысловую нагрузку, отвечая авторской задаче правдиво и детально глубоко воссоздать образы людей, ушедших из жизни.

Писатель, журналист А. Седых (Я. Цвибак) в мемуарной книге «Далекие, близкие», создавая литературно-мемуарные портреты своих знаменитых современников, часто цитирует письма или отрывки из них. В одном случае письменные свидетельства реальных лиц выступают подтверждением верности оценок, данных автором-мемуаристом людям и событиям, в другом — способствуют созданию образа эпохи, но чаще всего личные письма являются автохарактеристиками самих пишущих. Так, в очерке о М. Алданове мемуарист замечает, что его герой — прекрасный рассказчик в своих книгах, обладающий «*громадной эрудицией*», всегда умеющий «*подобрать нужную и интересную цитату, афоризм, исторический анекдот*», в разговоре с друзьями и в переписке ничем этим не пользовался, «*ревниво берег для своих книг*» [Седых, с. 54]. Следующие за этим утверждением выдержки из писем писателя являются подтверждением его простоты и безыскусности в общении: «*Теперь благополучно вернулся в Ниццу. Впрочем, лишь относительно благополучно: в последние дни парижского житья у меня воспалился и распух левый глаз*»; или: «*В Париже особенно неприятных встреч у меня не было. Была одна случайная встреча с Б. и еще две или три с другими, точно таких же: случайных и продолжавшихся весьма недолго*» [Там же, с. 55 — 56].

Письма К. Бальмонта, напротив, эмоциональны и художественно выразительны, в них угадывается большой литературный опыт автора: *«Я живу в лесном местечке среди сосен, на берегу Океана. Пишу стихи, пишу прозу...»*; *«Я радуюсь возможности жить не в городе, особенно не в Париже, который последние пять лет мне стал ненавистен — и оттого, что я не выношу грязного воздуха и глупого грохота, и оттого, что зарубежные русские или потопли в своей беде, или занимаются политическим переливанием из пустого в порожнее, и оттого, что современные французы плоски, неинтересны, душевно бессодержательны»* [Там же, с. 82] и т.д.

В письмах Дон-Аминадо (Шполянского) отчетливо звучит голос писателя-сатирика, готового не только информировать, но и обличать, высмеивать, иронизировать. В августе 1945 г., вспоминая о военных годах, он писал: *«...О том, что было пережито всеми нами, оставшимися по ту сторону добра и зла, можно написать 86 томов Брокгауза и Эфрона, но никто их читать не станет»* [Седых, с. 89]. В другом письме писатель жаловался: *«...Аккордеон по радио изображает национальное творчество "Парлэ муа д'Амур", а кило мяса стоит около трех долларов, хлеб и свиньи не едят, угля ни-ни, а за фунт белой муки можно иметь Полу Негри в молодости!»* [Там же, с. 90]. Итак, за каждой строкой письма просматривается не только сохраненное в слове время, история, эпоха, но и личность, характер, настроение адресанта.

Стоит согласиться, что авторы воспоминаний включают письма в мемуарные тексты избирательно, часто оставляя в памяти лишь приятные моменты общения и исключая, затушевывая негативные впечатления. И все же мемуаристы, склонные к использованию автобиографических и биографических сведений о своих героях, стараются из имеющейся переписки выделить фрагменты, типизирующие личностные качества персонажей. Например, в воспоминаниях А. Седых можно встретить фразы: *«Он прислал типичное для себя письмо...»* (о В. Л. Бурцеве. — Н. К.); или: *«Вот характерное для Бальмонта письмо...»*; *«Вот характерная для Алданова выписка из его общего письма к А. А. Полякову и ко мне...»* [Седых, с. 100, 82, 62] и т. п. Здесь речь идет не только об индивидуальной писательской манере того или иного автора письма, но о чертах, характерных для личности каждого из них.

Например, об А. М. Ремизове многие знавшие его часто вспоминали как о человеке, любящем игру, мистификацию, живущем на пограничье двух миров: реального и ирреального, придуманного им самим. Эти особенности характера писателя отразились на его переписке с современниками. А. Седых рассказывал: *«Раннее парижское утро. Звонок у дверей. Кто бы это мог быть, в 7 часов? Встаю с постели, открываю. Почтальон протягивает "пневматичку". В конверте листок, разрисованный Ремизовым: "День Св. Африкана, четверг 26 марта. Готовлюсь переплыть Ла-Мани: съел 5 фунтов мяса и 40 яиц"»* [Седых, с. 109].

Иногда выдуманные Ремизовым истории и вымышленные факты вызывали бурную ответную реакцию, также выражающуюся в форме официальных письменных посланий. Например, М. Цветаевой, как поведал А. Седых, пришлось писать гневное опровержение на невинную шуточную заметку Ремизова, опубликованную в одном из журналов. В ней сообщалось: *«Переехавшая на постоянное жительство в Париж поэтесса Марина Цветаева становится во главе ежемесячного журнала "Щипцы". Журнал будет посвящен главным образом печатанию стихов, но в первом номере появится новая повесть Ф. Степуна "Утопленник"»* [Седых, с. 109]. На самом деле ни журнала, ни повести не существовало.

И все же общий тон воспоминаний А. Седых дружелюбный, оптимистический. Характеризуя А. Ремизова и как оригинального художника слова, и как интересного, непредсказуемого человека, А. Седых акцентирует внимание на его жизнелюбии, склонности к философствованию, неразличении правды и вымысла в творчестве и обычной жизни. Подтверждение верности авторских выводов обнаруживается и в личной переписке писателя, включенной в мемуарный текст.

В мемуарах нередко использовались как целые письма, так и отдельные фрагменты, цитаты, выписки из них. В повествование включались циклы писем, представляющие одностороннюю переписку или письменный диалог мемуариста и персонажа. При цикличном использовании письма обычно располагались в финале основного рассказа. Такой композиционный прием указывает на продолжение диалогового начала в повествовании, при котором голоса автора и героя не сливаются, а звучат обособленно, отчетливо. С использованием эпистолярного жанра мемуарист получал возможность представить личность персонажа разносторонне: «извне» — в авторском представлении, характеристиках других персонажей, и «изнутри» — в личных письмах, где благодаря форме повествования от первого лица сохраняется искренность, непринужденность общения, душевная открытость пишущего. Речевая характеристика в подобной ситуации являлась важной частью психологического портрета.

Например, в книге З. Шаховской «Отражения» воспоминания о писателях-современниках (А. Ремизове, И. Бунине, М. Цветаевой, Вл. Ходасевиче, Г. Адамовиче и др.) почти всегда завершаются целым каскадом их писем, адресованных автору мемуаров. Эти письма не только ставят финальную точку в мемуарном очерке, но и все вместе создают обобщенную картину жизни русских писателей за рубежом в условиях эмиграции. Часто в писательских письмах обсуждаются издательские проблемы, устройство будущих литературных вечеров, юбилеев, звучат жалобы на безденежье и выражаются надежды на помощь благотворительных организаций, раскрываются некоторые творческие планы и т.п.

Введение писем в текст мемуаров нельзя воспринимать только как художественный прием, использующийся для раскрытия характеров

персонажей. Личность автора также ярко проявляется в мемуарном тексте через письмо. В предисловии к книге «Отражения» З. Шаховская пишет: *«Память не фотографический аппарат, воспоминание не снимок, который для всех и каждого одинаково восстанавливает кажущуюся реальность событий и лиц. Память нечто очень личное, субъективное»* [Шаховская, с. 116]. Личная переписка мемуариста, включенная в текст воспоминаний, углубляет авторскую самохарактеристику.

Письма, написанные много лет назад, восстанавливают в памяти не только прошлые события, но и чувства, впечатления, вызванные ими. Со временем первичные ощущения стираются, на них накладываются отпечаток другие жизненные явления. Эпистолярный жанр, введенный в мемуарный текст, создает повествовательное двухголосие. Мемуарист получает возможность отразить двойной угол зрения на изображаемое: взгляд, соответствующий его отношению к действительности в момент написания письма, и позицию, близкую времени создания мемуаров. Так, в мемуарном контексте повествователь материализует собственное «я» дважды: в прошлом и настоящем.

Например, М. Цветаева, повествуя о знакомстве с В. Брюсовым, приводит строки (хотя и неточно, по памяти) своего давнего письма к нему. Это послание возникло после случайно услышанного в книжном магазине разговора, в котором известный поэт признавался в своей нелюбви к Ростану, столь чтимому юной поэтессой. В письме отразились острые переживания шестнадцатилетней гимназистки, вспыхнувшие в результате негативного отношения мэтра современной поэзии к любимому ею художнику слова. *«Как могли Вы, поэт, объявить о своей нелюбви к другому поэту — приказчику? — Спрашивает автор письма. — Второе: как можете Вы, написавший Ренату, не любить Ростана, написавшего Мелизанду? Третье: — и как смогли предпочесть Ростану — Марселя Прево?»* [Цветаева, с. 39]. Даже в кратком, тезисном воспроизведении давнего послания ощущается смелость, дерзость, бескомпромиссность, резкое неприятие эстетической позиции В. Брюсова юной Цветаевой.

Здесь же приводится и ответ Брюсова, но уже снабженный современными комментариями мемуаристки: *«"Милостивая Государыня, г-жа Цветаева", (NB! Я ему — дорогой Валерий Яковлевич, и был он меня старше лет на двадцать!) Вступления не помню. Ответа на поэта и приказчика просто не было. Марсель Прево испарился. О Ростане же дословно следующее...»* [Цветаева, с. 39]. Цветаева сообщает, что ее первое письмо к Брюсову «осталось последним», на протяжении длительного литературного и человеческого общения два поэта так и не пришли к взаимопониманию. Однако с высоты прожитых лет мемуаристка приходит к примиряющему ее с прошлым выводу [Там же, с. 43]. Таким образом, *«Брюсов в опыте моих чувств, точнее: в молодом опыте вражды значил для меня несравненно больше, чем я — в его утомленном опыте»* письма, включенные в мемуарный текст, позво-

ляют наблюдать динамические процессы, происходящие в сознании и душевном состоянии автора на значительном временном отрезке.

Письма, ориентированные на определенного адресата, в мемуарном воспроизведении превращают заключенную в них информацию личного характера в общедоступную. В связи с этим усиливается ответственность мемуариста за характер информации в цитируемых письмах и необходимость ее введения в текст. Сам подход пишущего воспоминания к публикации чужих писем красноречиво характеризует его личность с точки зрения морально-этической. Так, З. Шаховская в предисловии к письмам И. Бунина поясняет: *«Просьба Бунина не печатать его писем не может обязывать адресатов. Всякое полученное письмо делается собственностью лица, его получившего; как и дневники писателя, они — часть литературного его наследства. <...> Дело такта адресатов выбрать из ими полученных те, которые пригодны для печати»* [Шаховская, с. 219].

М. Цветаева в свои воспоминания об А. Белом («Пленный дух», 1934) включает письмо поэта от 16 мая 1922 г., в котором адресант восторженно отзывается о ее новой книге стихов «Разлука»: *«Я весь вечер читаю — почти вслух; и — почти распеваю. Давно я не имел такого эстетического наслаждения»* [Цветаева, с. 276]. От момента получения письма до момента его публикации проходит двенадцать лет. Некоторое время послание хранилось в личном архиве писательницы, но после смерти А. Белого Марина Ивановна показала его некоторым близким друзьям. Еще позже, работая над мемуарами, решила включить текст письма в свои воспоминания, сделав его широкодоступным, но при этом снабдив собственными комментариями.

Именно авторский комментарий призван объяснить необходимость введения писем в текст мемуаров. В данном случае М. Цветаева дает понять, что для нее важен не столько смысл сказанного в ее адрес похвального слова, сколько сама форма написания письма, индивидуальный стиль адресанта, служащий его самораскрытию. Мемуаристка обращает внимание на оформление адресованного ей Белым послания. Письмо было *«написано такой величины буквами»*, что каждый, кто его видел, говорил: *«Так не пишут. Это письмо сумасшедшего»*. Но Цветаева восприняла поступок адресанта по-своему, истолковав такой вид письма не болезненным состоянием, а особым способом самовыражения поэта. А. Белый, по мнению мемуаристки, проявил себя как человек, желающий *«занять всё то место, оставшееся бы без мерности и без предметности»* и *«внешней вескостью выявить вескость внутреннюю»* [Цветаева, с. 277]. Частное письмо в данном мемуарном тексте, с одной стороны, утратило свою интимность, с другой — придало психологический характер портретируемому персонажу и одновременно автору-повествователю.

Важной предпосылкой для введения писем в текст мемуаров является усиление документального начала в мемуарном повествовании. В переписке писателей-эмигрантов первой волны сохраняется

историко-политическая и общекультурная атмосфера эпохи. В их дружеских посланиях запечатлена своеобразная летопись жизни Русского зарубежья, отражены важные политические события. По писательской переписке можно восстановить ход работы некоторых издательств, историю журналов, взаимоотношений авторов и читательской аудитории, охарактеризовать отношение к русской литературе за рубежом в разные периоды исторического бытования эмиграции.

Можно утверждать, что для писем, как и для дневников, характерен автобиографический тип повествования. Персона адресанта здесь центральная, все события и явления жизни пропущены через призму его взглядов, но в мемуарном контексте автор письма становится персонажем, подчиненным творческой задаче мемуариста. Точка зрения последнего является определяющей в тексте, а информация, заключенная в письмах, подается опосредованно, при тщательном отборе, комментировании и субъективно-личностной оценке автора воспоминаний. Включение эпистолярного наследия в мемуарный текст во многом расширяет повествовательные возможности последнего, увеличивая способы сохранения информации об ушедшей эпохе и ее передачи последующим поколениям.

Литература

Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.

Кириллова Е.Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (на примере мемуарной прозы русского зарубежья первой волны) : дис... канд. филол. наук. Владивосток, 2004.

Колядич Т. М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М., 1998.

Осоргин М. В тихом местечке Франции. Письма о незначительном. М., 2005.

Седых А. Далекое, близкое. М., 1995.

Степанов Н.Л. Дружеское письмо XIX в. // Русская проза : сб. статей. Под ред. Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н.Тынянова. Л., 1926.

Ташлыков С. Эпистолярная новелла А.И. Куприна // Анализ литературного произведения: сб. науч. тр. Иркутск, 2001.

Цветаева М. И. Пленный дух: Воспоминания о современниках. Эссе. СПб., 2004.

Шаховская З. Н. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.